

Alexander Graf

Justus-Liebig-Universität Gießen
Institut für Slavistik
Karl-Glöckner-Straße 10D
35394 Gießen

Концепт «свобода» в современной русской лирике

Красивая и привлекательная тема «свободы» при ближайшем рассмотрении очень скоро оказывается довольно коварной, так как каждый имеет свое представление о том, что такое свобода, и сколько спросишь людей, столько и окажется экспертов на эту тему. Но вопрос усложняется еще более потому, что даже определения термина бытуют самые разные от беспредельного карамазовского «всё позволено» до элегантной и гуманистической формулировки Жан-Жака Руссо, что свобода человека состоит не в том, что он может делать всё, что ему хочется, а в том, что ему не нужно делать того, чего он не хочет. На практике, правда, и это определение оказывается достаточно размытым, если поставить вопрос немного иначе: чтобы мне захотелось что-то сделать, нужна соответствующая мотивация, а мотивация – это уже вопрос из совсем другой области, а именно социального положения, образования, идеологии, настроения и т. д. Недаром же существует анекдот об американском смертнике, который по массе своего тела не умещается на электрическом стуле и никак не худеет, несмотря на многомесячную строжайшую диету. Его объяснение простое – мотивации нет.

Свободолюбивые настроения в русской культуре как, пожалуй, во всех западных и христианских культурах, существуют всегда, но есть кульминационные периоды, когда обостряется чувство актуальности темы вокруг исторических перипетий. Так было в пушкинские времена, так было накануне и по ходу русских революций, так же актуализировалась тема после распада Советского Союза и продолжает занимать умы по сей день, поскольку очевидно, что постперестроечные преобразования еще не закончились и Россия опять находится на пороге исторически решающих событий. Недавно, правда, была слышна и другая оценка: «Всё! Перестройка наконец-то закончилась! Макдональдс на Пушкинской закрыт!»¹.

---

¹ Первый в России Макдональдс был закрыт 27.08.2014 после претензий Роспотребнадзора. Ресторан быстрого питания возобновил работу 19.11.2014.

Во избежание политических дискуссий я в своей статье не буду касаться стихотворений на злобу дня, которых в наше время по понятным причинам тоже не мало, достаточно вспомнить такие, как *Гражданин поэт* Дмитрия Быкова и Михаила Ефремова, поэзию Всеволода Емелина (например, его *Болотные песни* или подборку *Политиансон*) или стихи Орлуши. Понятие свободы в них вполне конкретное, политическое, направленное не на отдельную личность, а на общество в целом и содержит мало удивительного. Недавно появился анекдот про свободу, который отражает всю нарастающую волну соцопросов с их весьма ожидаемыми и предсказуемыми результатами: «Какой же россияне свободолюбивый народ! Опрашивали 200 человек, и ни один из них не хотел сесть в тюрьму».

Современная русская поэзия вряд ли может быть аполитичной; она довольно часто обращается к самой личности поэта или лирического героя, высвечивая его положение или как индивидуального субъекта, или как часть социума и его с ним отношения. Отмечаются три главных поля, по которым двигаются тексты, которые можно было бы определить как, во-первых, «я и другой», во-вторых, «я и общество», а в-третьих – «я и мир / я и вселенная». Но еще больше бросается в глаза, что набор мотивов и образов удивительно компактен и стабилен, причем, часто вступает в диалог с литературными и идеологическими предтекстами. Преобладают среди них тексты XX века, но есть, конечно, и цитаты из классической литературы, хотя кажется, что постоянное и тоталитарное их употребление в советском прошлом и в консервативном учебном обиходе сегодня их как бы дезавуировало в глазах молодых поэтов.

Одним из самых богатых источников до сих пор является знаменитое стихотворение 1917 года Велимира Хлебникова *Свобода приходит нагая...*, потому что совершеннейшим образом сочетает лично-телесное с державно-духовным. Позволю себе для напоминания полностью процитировать его:

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты».
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споют у окна,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном Солнца –
Самодержавном народе².

² В. Хлебников, *Творения*, Москва 1986, с. 461.

Самое сильное зрительное впечатление этого стихотворения несомненно «нагая свобода» в первой строчке, которая вызывает не только архетипическое представление чистой, аскетической и смиренной простоты, но и некоторой первобытности и естественности. Одна из первых ассоциаций, пожалуй, полотно Эжена Делакруа *Свобода, ведущая народ*, по-русски более известная как *Свобода на баррикадах*, на котором французский художник в 1830 году запечатлел июльскую революцию, положившую конец попыткам реставрации Бурбонов. Изображение Свободы с голой грудью трактуется как символ самоотверженности, с которой французы шли на баррикады. Такая же самоотверженность безусловно присутствует и в мышлении Хлебникова, строившего вселенские планы, в то время как прямой смысл высказывания тоже непосредственно относится к поэту, нуждающемуся в тот период даже в элементарных штанах, чтобы прикрыть свое дистрофическое тело. Современник Хлебникова Сергей Бехтеев в том же 1917 году понимает свободу совсем по-другому:

Желанное, светлое слово – «свобода»!
Прекраснейший лозунг на вид,
В устах иступленного зверя-народа
Преступной насмешкой звучит.
Свобода – темница! Свобода – оковы!
Свобода – законный грабеж!
Свобода – венец, как и прежде, терновый!
Такая ужасная ложь!³

Между этими двумя полюсами до сих пор колеблется понятие «свобода» и при всей положительности идеи всегда носит в себе опасность полной уродливости. Сочетая как бы Хлебникова и Бехтеева, музыкант, художник и поэт Илья Гофман в 2011 году в интернет-альманахе современной русской поэзии и прозы «Красный Серафим» опубликовал свою версию нынешней свободы:

Свобода приходит нагая.
Свобода приходит с наганом.
Сидит, меня ждет у фонтана,
И трогает ручку нагана.
Свобода не жалуется трезвых,
Свобода является пьяным,
Придурачным и наркоманам –
Надменно пинать их ногами.
Свобода и жизнь – неразлучны.
Мне ветер бьет в рваные раны.
Я верю – я очень везучий,
Смотря в ствол Свободы нагана⁴.

³ [Электронный ресурс] <http://www.stihi.ru/2007/02/05-133> [22.11.2014].

⁴ [Электронный ресурс] <http://www.serafim.spb.ru/index.php?lan=0&module=381> [22.11.2014].

Самый большой сдвиг в понятии свободы за сто лет произошел в том, что свобода больше не воспринимается как экстренная ситуация героически-воинственным пафосом или ужасающим гражданским испугом, а превратилась в явление быта, повседневности, где каждый наделен большей или меньшей долей свободы, которая тем или иным образом может для него явить положительную или же отрицательную сторону. Одним из самых важных шагов к таким изменениям нам представляется период советского застоя со своим дефетизмом с одной стороны, и с окончательным разделением литературы на два мало прикасающихся друг к другу слоя – с другой. Хрестоматийными стали строки Всеволода Некрасова 1964 года:

свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть свобода⁵.

Здесь звучит относительная свобода оттепели, но не менее четко чувствуется мантраобразное употребление термина, постепенно лишаящее его внутреннего смысла. «Свобода есть свобода» – в конечном итоге мало чем отличается от пресловутого «сало, оно и есть сало». Такая ассоциация, может быть, не совсем случайна, ведь Некрасов в 1972 году снабдил свои стихи следующим дополнением:

право же
не есть
право есть
право же
есть то есть
это если есть что
естественно
тут уж что дадут
кому есть
кому пожрать
кому и покушать⁶.

Параллель, конечно, в первую очередь содержится в конструкционном принципе, но все-таки обнаруживается и некоторая концептуальная близость в смысловой цепочке свобода – быть – питаться. Ведь давно же известно, что именно царь Голод крепче всех может держать народ в оковах. На таком

⁵ Вс. Некрасов, *Стихи 1956–1983*, Вологда 2012, с. 45.

⁶ Там же, с. 502.

заниженном уровне понятия свободы более чем естественно, появляется запрос о свободе высшей степени. Нельзя же согласиться с тем, что одно чрево определяет свободу, должны же быть духовные, интеллектуальные или хотя бы моральные ценности. На этот вопрос в конце лихих девяностых очень метко ответил Тимур Кибиров, возражая Хлебникову по жизненному опыту и вспоминая Некрасова как утешительного прагматика:

... Свобода
приходит никакая не нагая –
в дешевых шмотках с оптового рынка,
с косметикою блядскою на лике
и с песней группы «Стрелки» на устах.
Иная, лучшая – не в этой жизни, парень.
И все-таки – свобода есть свобода,
как Всеволод Некрасов написал⁷.

Сосуществование возвышенного («на лике», «на устах») с пошлым в этом мире не отменяет ценность свободы как таковой, но истинная свобода может быть только вне человеческих сфер, она или утопия или райское обещание.

Если в дальнейших рассуждениях ограничимся земной стороной вопроса, то можно все равно заметить, что практически во всех выше названных текстах есть четкая позиция авторского я, исходя из которой, автор обобщает и предстает перед читателем как часть описываемого общества. Это само по себе было бы еще не удивительно, если бы на протяжении последних 10–15 лет или, грубо говоря, с начала нового тысячелетия не изменилась бы авторская позиция коренным образом. По крайней мере, там, где речь заходит о свободе, поэт все чаще говорит о себе как о личности, противостоящей обществу, подчеркивает не сходство с окружающим миром, а педалирует отмежевание и различие.

Чаще всего в таких случаях поэт характеризует мир как испорченный, порочный, жадный, жестокий и тому подобное, подчеркивая свое нежелание оставаться в такой игре и провозглашая как признак своей свободы стоять в стороне. Один из самых ярких примеров такого рода – стихотворение Веры Полозковой *Свобода* 2006 года:

Все бегаем, все не ведаем, что мы ищем;
Потянешься к тыщам –хватишь по голове.
Свобода же в том, чтоб стать абсолютно нищим –
Без преданной острой финки за голенищем,
Двух граммов под днищем,
Козыря в рукаве.

---

⁷ Т. Кибиров, *Юбилей лирического героя*, Москва 2000, с. 10.

Все ржут, щеря зуб акулий, зрачок шакалий –
 Родители намекали, кем ты не стал.
 Свобода же в том, чтоб выпасть из вертикалей,
 Понтов и регалий, офисных зазеркалий,
 Чтоб самый асфальт и был тебе пьедестал.
 Плюемся люголем, лечимся алкоголем,
 Наркотики колем, блядскую жизнь браня.
 Свобода же в том, чтоб стать абсолютно голым,
 Как голем,
 Без линз, колец, водолазок с горлом, –
 И кожа твоя была тебе как броня⁸.

По совокупности все эти выдвинутые идеалы можно назвать хипповыми, не достаёт только призыва к всеобщей любви; не менее близки они – нищий, голый, который выпал из вертикалей – к юродству и к юродивым, которых по таким меркам тоже можно считать самыми свободными людьми на Руси. Молодежный максимализм Веры Полозковой и ее бунт против обезчеловеченного современного общества нужно понять как провозглашение человеческой самодостаточности и как призыв к возвращению к понятию Человека с большой буквой. Однако в конкретном случае мы имеем дело не с общей программой, а с индивидуальным проектом личности, который по всей вероятности закончился бы великой катастрофой, послушай его определенное количество народа. Свобода вообще превращается в личное познание, где на уровне «я» и «ты – свобода» взвешиваются ценности и прелести и свобода из физического состояния переходит в ощущение, в персональное чувство, которое противостоит всем внешним определениям. Как мы читаем у Веры Павловой:

Да здравствует высокопарность,
 серьезность, пафос, благородство!
 Свобода есть неблагодарность,
 если не круглое сиротство.
 Забудь былую нелюбимость,
 душа, и честно отработай
 свободу как необходимость
 пожертвовать своей свободой⁹.

Недаром при такой категоризации сразу вспоминаются известные ленинские слова (и до этого слова Маркса и Энгельса, а на самом деле Спинозы) о свободе как осознанной необходимости, которые воздвигают в ранг регламента то, что не подлежит категоризации. Но если есть «норма», так сказать, как свобода должна выглядеть, можно, конечно, описать путь к ее достижению. И тут наступает момент, который Вячеслав Куприянов недавно обозначил словами:

⁸ В. Полозкова, *Непознание*, Москва 2009, с. 154.

⁹ В. Павлова, *Семь книг*, Москва 2011, с. 507.

Свобода
сильное оружие
богатых
в борьбе
с бедными¹⁰.

Таким образом, замыкается круг, и мы невольно возвращаемся к теме свобода и государство, хотя не со стороны политического высказывания, а со стороны личной отстраненности и тихого наблюдения происходящего. Вмешиваться напрямую на сегодняшний день мало привлекательно и еще менее перспективно. Свобода опять из состояния превращается в практику, свободен тот, кто правильно изолирует личное пространство. Во втором номере журнала «Интерпоэзия» за 2014 год Юлий Гуголев опубликовал длинное стихотворение *Чем дольше живу я в России...*, первые две и последняя строфы которого хорошо иллюстрируют эту мысль:

Чем дольше живу я в России,
чем больше работаю с ней,
тем чую острее в разы я
и многое вижу ясней.
Чем дольше сижу я на Яме,
чем дольше читаю “Life News”,
спокойнее тем и упрямей,
я сдержанней, блин, становлюсь.
[...]
Не факт, что не сдамся без бою,
поскольку ее до хрена.
Но я остаюсь собою,
родная моя сторона¹¹.

Последние события спровоцировали даже такого в принципе аполитичного поэта, как Герман Лукомников на комментарий по поводу нового и почти исключительного толкования слова «свобода», как оно бытует в общественном дискурсе и в интернете в особенности (достаточно ввести слово «свобода» в любой поисковик). Недавно (11.09.2014) Лукомников писал в своем живом журнале (я цитирую без купюр):

Вскипел народ
И скинул гнет
Теперь его ниче не гнет
Нигде не жмет

¹⁰ В. Куприянов, *Ничто человеческое. Стихотворения и верлибры*, Москва 2013, с. 103.

¹¹ Ю. Гуголев, *Чем дольше живу я в России*, «Интерпоэзия» 2014, № 2, [Электронный ресурс] <http://www.magazines.russ.ru/interpoezia/2014/02/lg-pr.html> [22.11.2014].

Ничуть не трет
И совершенно не¹².

Для однозначного разъяснения, как понять эти строки, я еще процитирую двустишие:

милые добрые жалкие мы
славно пируем во время чумы [...].

Итак, итог: Однозначного и проходящего определения концепта «свобода» пока не видится, слишком сильно различаются индивидуальные позиции отдельных авторов. К тому же кажется, что более широкий и объемлющий концепт «воля» в русском самосознании вытеснил свободу и своей многосторонностью и универсальностью противодействует конкретизации и точному определению¹³. В качестве «константов» воля и свобода по Степанову вообще отсутствуют в русской культуре¹⁴. Тем не менее, можно положительно утверждать, что есть как минимум три стадии восприятия понятия: как экстренная ситуация в начале XX века, как бытовое явление после оттепели и вплоть до перестройки, и как личное дело каждого после 2000 года. Новые трактовки свободы пока развиваются и формируются, четко сказать можно только, что наблюдается тенденция, если не стремление, к отстранению и к отвлеченности. Не подлежит сомнениям только одно: «свобода есть свобода, как Всеволод Некрасов написал».

Alexander Graf

The Concept of 'Freedom' in Contemporary Russian Poetry

(Summary)

The article surveys the concepts of 'freedom' (*svoboda*) in contemporary Russian poetry and points out that there is no single understanding of it but a whole complex of approaches. While the concept of *svoboda* seems to have been absorbed by the bigger and therefore less concrete one, *volya*, a certain evolution of the former notion can be observed as well. At the beginning of the 20th century 'freedom' was associated with a heroic attitude, during the Thaw it became a term for a collective domestic separation, after perestroika and glasnost the poets started to look for freedom as individuals, having nothing or very little in common with the society. Over the last years a new kind of inner emigration has been evolving, combined with a tendency towards ostentatious indifference to 'traditional' values.

Keywords: concept, freedom, contemporary Russian poetry.

¹² [Электронный ресурс] <http://www.lukomnikov-1.livejournal.com/> [22.11.2014].

¹³ Ср. Н. Н. Занеги́на, *О смысловой парадигме концептов «свобода» и «воля»*, [Электронный ресурс] <http://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2855> [22.11.2014].

¹⁴ Ср. Ю. Степанов, *Константы: словарь русской культуры*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва 2004.